

Врачебная сага

Мария Воронова

клиника измены

Мария Воронова
Клиника измены
Серия «Врачебная сага»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8913162
Мария Воронова Клиника измены: авторское;
ISBN 978-5-17-063499-6, 978-5-271-27315-5

Аннотация

Казалось бы – ничего нового. Не одна семейная лодка разбилась вдребезги, натолкнувшись на измену. Но не надо забывать, что герои Вороновой – врачи, и их предназначение – лечить, в том числе душевные раны. Они знают, где для спасения любви можно обойтись терапией, а где – необходимо хирургическое вмешательство...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мария Воронова

Клиника измены

Глава первая

– Как удачно, что меня вызвали на эту операцию! – воскликнула Маша Горошкина. – А то когда бы удалось пови-
даться?

Следуя Юлиному приглашению, она быстро прошла в кухню, зацепившись крутым бедром о косяк. После рождения ребенка Маша сильно раздалась и еще не успела привыкнуть к своим новым габаритам.

– Я сейчас покормлю тебя. – Юля принялась разогревать обед. – Филипп Владимирович придет поздно, а ты, наверное, сильно проголодалась.

Заботилась она вовсе не о желудке подруги. Будучи замужем всего три месяца, Юля не знала, как Филипп отнесется к присутствию за ужином постороннего человека.

– Проголодалась – не то слово! Меня в семь утра подняли с кровати, даже кофе выпить не успела, – тарахтела Машка, вольно раскинувшись на кухонном диванчике. – Скорее, скорее, расслаивающая аневризма! Думаю: как некстати, я весь день дома сидеть собиралась, мне так редко выпадает это счастье! А когда шофер сказал, куда мы едем, тут я, конеч-

но, обрадовалась. Увижу, наконец, свою любимую подружку в статусе замужней дамы! Сразу отпустила машину, говорю, на электричке домой вернусь. Ну, шофер, конечно, доволен, иначе ему пришлось бы целый день тут торчать!

В голосе Маши явно чувствовалась гордость за себя. Она считала, что столь удачная okazия полностью оправдывает ее внезапный визит.

– Значит, вот как ты устроилась!

– Да, но это ненадолго, – поспешила соврать Юля. – Мы сейчас строим дом и не особенно заботимся об этой квартире.

Новость не произвела на Машку впечатления, не вызвала даже мимолетного завистливого вздоха. Она взялась за вилку и сострадательно посмотрела на два кривобоких, слегка подгоревших куска рыбы, предложенных Юлей. На гарнир была отварная картошка, и когда Маша принялась разминать картофелину, в ней что-то противно пискнуло.

Опять недоварила, поняла Юля.

Она могла сварить отличный кофе, прекрасно подать чай и сделать изысканный салат, но повседневная готовка оставалась для нее тайной за семью печатями.

– Ничего. Перед тем, как кормить мужа, с лучком пережаришь. Даже вкуснее будет.

«Не нуждаюсь я в твоих советах, курица!» – мысленно огрызнулась Юля, а вслух сдержанно заметила, что ее кулинарные упражнения – явление временное, пока не подыщет-

ся хорошая кухарка. Это снова была ложь.

– Ты же знаешь, готовка не относится к числу моих сильных сторон.

– Ну-ну.

Человек, хуже знающий Горошкину, мог бы прочесть в этой усмешке – а где они вообще, твои сильные стороны? Но Юля за много лет знакомства убедилась, что Маша никогда не иронизирует над теми, кого любит. А к ней Горошкина была искренне привязана, иногда Юля даже чувствовала неловкость, что не может платить Маше той же монетой...

Они подружились на первом курсе мединститута. Юля тогда положила глаз на самого интересного сокурсника. Прощедший армию, Петя был на два года старше большинства студентов, то есть, по детским Юлиным меркам, был уже настоящим мужчиной, причем редким красавцем. Высокий, широкоплечий блондин с безупречным профилем и суровым взглядом, он возбуждал романтические мечты всех девчонок курса. Кроме внешности, Петя был знаменит и своими научными успехами. Окончив медицинское училище, в армии он попал в госпиталь и все два года прослужил в операционной. Там ему охотно давали сначала подержать крючки, потом ассистировать, а к концу службы уже доверяли делать несложные операции под присмотром опытного врача.

Петя не знал других оценок, кроме «отлично», активно занимался в студенческом научном обществе, и Юля сочла,

что он будет очень хорош в качестве ее мужа. Пусть без денег, без связей, зато перспективный. С мощной поддержкой ее отца Петя быстро сделает карьеру, и как знать, может быть, в один прекрасный день она станет женой министра здравоохранения!

В том, что Петя захочет связать с ней судьбу, Юля не сомневалась. Природа одарила ее великолепной внешностью, которую она довела до совершенства занятиями художественной гимнастикой. Отец добродушно шутил, что ее ножки можно поместить в качестве эталона в палате мер и весов. На мир Юля смотрела большими, чуть раскосыми зелеными глазами в обрамлении пушистых ресниц, а тяжелые густые волосы цвета дикого меда составляли предмет законной гордости всего семейства. Носик чуть вздернутый, рот слегка великоват, но эти милые недостатки только добавляли очарования.

Но Юля рассчитывала не только на внешность. Женитьба на ней – единственный шанс для Пети войти в мир элиты, в тот заоблачный мир, куда все стремятся и куда почти никто не может попасть, будь он хоть семи пядей во лбу.

От таких женщин, как я, не отказываются, думала она, представляя, как получит Петю в личную собственность, и все девчонки института, и так жгуче завидовавшие ее красоте и богатству, просто лопнут от зависти. О том, что родители могут воспротивиться этому браку, Юля не думала, ведь до сих пор она ни в чем не знала отказа.

Одна беда – Петя учился в другой группе, и, чтобы познакомиться с ним, Юля записалась в СНО на ту же кафедру и сблизилась с Машей, такой же сумасшедшей поклонницей хирургии, как Петя.

Маша с Петей вместе пропадали в библиотеке, сутками просиживали в Интернете, выуживая оттуда редкие статьи, и торчали на дежурствах, где яростно сражались между собой за возможность «вырезать аппендицит» у какого-нибудь несчастного.

Маша охотно откликнулась на предложенную дружбу. Юля, привыкшая к дорогим клубам, стала исправно посещать нищие студенческие вечеринки в общежитии. И, совершенно не чувствуя вкуса к науке, да, в общем, и к медицине, взяла тему для исследования. Правда, чисто теоретическую – оперировать собак и болтаться в клинике, выполняя всякую черную работу, было бы слишком большой ценой за брак с Петей.

Результат не замедлил сказаться – Петя начал ухаживать за ней, сводил в кафе, в кино, пригласил к себе в общежитие, где робко посягнул на ее честь, но Юля с негодованием отвергла его попытки. Девушка ее уровня может лечь в постель с мужчиной только на законном основании.

Однако не успела их связь стать предметом сплетен, как Петя Горошкин оборвал ее. Роман был не в той стадии, которая требовала мучительных объяснений: Петя просто перестал звонить, а встречаясь с Юлей в институте, вежливо здо-

ровался, и только. А она была слишком гордой, чтобы выяснять отношения. Вскоре Петя получил в наследство квартиру и тут же женился на Маше.

Узнав об этом, Юля ощутила всего лишь укол уязвленно-го самолюбия. Злорадствующим сокурсницам она ответила цитатой из фильма про Аладдина: если ему больше нравится целый горшок, чем полцарства, пусть лазает по горшкам.

Юля не лукавила, она действительно не страдала. Петя был интересен ей только как перспективный муж, а не как мужчина, она не успела привязаться к нему по-настоящему. Целуясь с ним, она испытывала удовольствие от того, что достигла поставленной цели, но вовсе не чувственное наслаждение.

Значит, не так уж он напорист, не так уж амбициозен, не так уж уверен в себе, раз променял меня на эту курицу, – думала Юля. – Значит, готов к серому существованию посредственности, а такой муж мне ни к чему.

Она с презрением прогнозировала семейную жизнь Горошкиных: ребенок, который одним махом перечеркнет все развлечения молодости, китайский пуховик на три года, через пять лет жестокой экономии – подержанная «девятка», через двадцать лет – шесть соток в гигантском садоводстве, где в погожий день за попами граждан, копающихся в грядках, с воздуха не видно земли. Яростная битва за урожай в четыре кило помидоров в твердой уверенности, что эти четыре кило существенно поправляют бюджет семьи. И Маша

с Петей – серые от бесконечной нудной работы, смертельно уставшие друг от друга, но стоически разыгрывающие спектакль «Жизнь удалась».

Так же скептически Юля оценивала и профессиональное будущее Горошкиных. Пусть оба мечтают совершить переворот в сосудистой хирургии, но есть элементарные законы физики, которые учат, что для любого переворота нужна точка опоры, а ее-то у молодых супругов и нет. Ни связей, ни денег. А без них должность доцента кафедры или заведующего отделением – потолок в карьере.

Одно время Юля хотела попросить отца сделать так, чтобы Пете с Машей вовсе не давали ходу, но потом не решилась обременять его глупой детской мстью.

От этого неудачного матримониального проекта остался стойкий побочный эффект – верная подруга Машка. Она, простая душа, с самого начала приняла Юлины авансы за чистую монету. О Петинем любовном зигзаге в Юлину сторону она, похоже, не знала. А может быть, делала вид, что не знала, чтобы избежать неловкости. Так или иначе, после Петиней женитьбы Маша стала Юле не нужна, но та истово сохраняла дружбу. Вскоре Юля стала крестной матерью сына Горошкиных. Можно было предположить, что Маша дорожит дружбой из корысти, но за все годы общения она никогда Юлю ни о чем не просила и даже в кафе всегда платила за себя сама, отказываясь от тех заведений, что были ей не по карману.

Юля не решалась отмахнуться от такой искренней привязанности, хоть в глубине души презирала подругу и про себя называла «курицей». Ее раздражала Машкина неумемная энергия, фанатизм в работе, абсолютно неуместный для настоящей женщины, а на самое Машку Юля всегда смотрела со злорадным сожалением. Неказистая Машка и в юности была похожа на тумбочку, а после родов растолстела и совершенно обабилась. Впрочем, это обстоятельство ее не тревожило, никакими диетами и спортом она себя не утруждала, и Юля, которую единственная ямочка целлюлита на попе ввергала в пучину отчаяния, утратила последние остатки уважения к подруге.

Как можно так себя запускать, думала Юля, наблюдая, как Маша ест. Ей двадцать пять лет, как и мне, а на вид – раскисшая тетеха.

Однако в эти же двадцать пять лет ее вызывают на аневризму аорты – высший пилотаж хирурга. И Юля вдруг почувствовала, как в душе ворочается зависть к убогой Машке, хоть сама она никогда не стремилась сделать карьеру.

Юля всегда знала, что ее призвание – быть женой преуспевающего мужа. В институт она поступила потому, что девушка ее уровня не может не иметь высшего образования, это неприлично. К медицине она не чувствовала никакой тяги, просто медицинский – престижный вуз. Она честно занималась, не прогуливала лекции, читала дополнительную лите-

ратуру, но ничего не делала сверх программы. Обладая живым умом и хорошей памятью, Юля всегда прекрасно отвечала на экзаменах и закончила с красным дипломом. Многие студенты, понимая, что в обучении слишком мало времени уделено практике, дежурили в больницах в качестве помощников врачей, но Юля считала это лишним. Она вообще не собиралась работать врачом, рассчитывая на хороший пост в страховой компании или фармакологической фирме.

Но ей не суждено было стать чиновницей. Красный диплом и посещения научного общества, которое она по каким-то непонятным ей самой соображениям не бросила после истории с Петей, открыли ей двери в аспирантуру на кафедре сосудистой хирургии. Юля не особенно туда стремилась, за шесть лет учеба успела ей надоесть, но родители пришли в восторг. Мама в ответ на робкие Юлины протесты сказала: девушке нашего уровня недостаточно просто диплома о высшем образовании, нужно быть кандидатом наук и обязательно иметь хорошую должность. Это и для будущей семейной жизни очень важно. Муж, который будет крупным чиновником или успешным бизнесменом – уж они с отцом об этом позаботятся, – должен понимать, что Юля не какая-нибудь там домашняя курица!

Сама Юлина мама вышла замуж очень рано, за комсомольского вожака чуть старше себя. С началом перестройки муж занялся бизнесом, быстро поднялся, а несколько лет назад, благодаря старым связям, стал чиновником городского

уровня, сумев при этом сохранить свой бизнес. Мама давно уже с чистой совестью могла бы заниматься только собой и семьей, но продолжала работать и сейчас заведовала одной из кафедр в университете. Уж сколько в этом было ее личных заслуг, а сколько папиной поддержки, Юля никогда не задумывалась.

Не имея нужды в деньгах, мама совершенно бескорыстно протаскивала в университет детей «нашего уровня», потом помогала им защититься, устраивала на хорошие места... Словом, обеспечивала всем тем, чем они, эти дети, должны обладать по праву рождения. Наукой она не занималась: совершать всякие открытия, обучать студентов так, чтобы они не позорили университет скудостью своих знаний – все это на кафедре предоставлялось выскочкам, которые, имея несчастье родиться в простых семьях, все-таки стремились проникнуть в элиту. Что ж, раз не хотят знать свое место, пусть работают за двоих, пусть доказывают, что достойны.

Поступив в аспирантуру, Юля оказалась в команде энергичных мужчин разного возраста, которых роднила преданность делу и готовность вкалывать сутки напролет. Как выжить в этой кипучей атмосфере? Тем более, заведующий часто повторял: хирургия, как и цирк, – искусство без дураков. Кто не умеет – разбивается.

Они сразу поймут, что я – дутая величина, и выгонят вон, переживала Юля. Но опасения оказались напрасными: она быстро нашла себе нишу. В числе обязанностей сотрудни-

ков была одна, люто ненавидимая всеми, – работа с бумагами. Бесконечные графики, рапорты, протоколы, отчеты, планы... Достаточно сказать, что для хранения документов требовалось одиннадцать папок-рубрик устрашающей толщины. Доктора не любили и не умели вести документацию, поскольку не видели в ней смысла. А ведь когда не знаешь «зачем», никогда не поймешь «как». Садись за бумаги всегда в самую последнюю очередь, усталые, опустошенные после операций и общения с больными, после лекций, в конце рабочего дня, когда все мысли устремляются к дому... А тут чахни над входящими-исходящими и высчитывай среднюю педнагрузку!

Юля же готовила себя к стезе чиновника, то есть именно к работе с бумагами, поэтому с радостью взяла на себя всю кафедральную документацию. Она ловко раскладывала входящие по папкам, строчила ответы, помещая копии в другие папки, никогда не забывала вовремя сочинить протокол производственного совещания и никогда не ошибалась в подсчете учебных часов. Вскоре заведующий научил Юлю подделывать свою подпись, чтобы она не отвлекала его от работы. Сначала она стеснялась столь широких полномочий, но, несколько раз услышав: «Я занят, делай как знаешь!», стала смело выводить затейливый росчерк. Получалось похоже, но не очень, и Юля иногда беспокоилась, что будет, если заведующий вдруг придет в головное учреждение и сам где-нибудь распишется. Не скажут ли ему – товарищ, а кто вы та-

кой? Это не ваш автограф!

Можно сказать, что она занималась и наукой: доктора приносили ей свои расчеты и заключения, записанные где попало, чуть ли не на сигаретной пачке, и Юля облекала их в художественную форму. У нее был хороший слог и четкий, организованный ум, статьи получались стильные, интересные.

Она стала на кафедре нужным, даже незаменимым человеком. Ее любили и позволяли разные мелкие грешки – опоздать, уйти пораньше, а то и вовсе прогулять. Хирургией не нагружали: сотрудники были сплошь мужчины, уверенные в том, что хирургия – не женское дело, и вообще, такой красивой девушке нельзя напрягаться на работе. Никто из докторов не увлекся ею всерьез, но все проявляли заботу и галантность. Лишь иногда звали постоять на крючках и всегда хвалили, как хорошо она это делает. Заведующий называл ее «наш прелестный бюрократик» и, коль скоро бумаги были в порядке, всегда был доволен ею, не требуя ничего больше. Когда Юля вовремя представила ему литературный обзор по теме своей диссертации, он страшно удивился. Не ждал от изнеженной аспирантки такой прыти.

Обзор она сделала, конечно, не из любви к науке, а по привычке отличницы всегда выполнять домашнее задание. С трудом осилив этот первый этап работы над диссертацией, она с тоской думала о последующих. А может, кто-нибудь из сотрудников кафедры за деньги напишет работу вместо нее?

Папа наверняка финансирует этот проект.

Маша училась в аспирантуре на той же кафедре, но на другой клинической базе, и до Юли часто доходили рассказы о хирургических подвигах подружки. Ею восхищались даже закоренелые сторонники мужского начала в хирургии, даже они скрепя сердце признавали, что Горошкина заткнет за пояс любого парня. А что еще остается делать девушке с такой внешностью, усмехалась Юля про себя, и не собиралась видеть в Машке пример для подражания.

– Как прошла операция? – спросила Юля. – Все успешно?

– Разве сразу скажешь? Только дней через десять я смогу вздохнуть спокойно.

– Но больной хотя бы жив?

– Жив, конечно. Иначе я бы к тебе, наверное, не пришла.

Ну и работка! Сначала стой полдня у операционного стола, потом терзайся, выживет больной или нет, а если нет – жестоко кори себя, даже если ни в чем не виноват. Зачем это надо нормальному человеку?

– Ну и дал нам прикурить больной! – воскликнула Машка. – Аневризма страшная, стенки – как камень, и до почечных артерий рукой подать! Думала, не справлюсь!

– Но справилась же?

– Ага! – просияла Машка. – Прямо самой не верится!

– Наверное, ты первая с нашего курса сделала такую сложную операцию. Петьке расскажешь о своем успехе?

– Ну а как же? Зря он, что ли, целый день с ребенком сидел?

Юля нахмурилась:

– А он не будет ревновать к твоим достижениям?

– Петька-то? – Маша расхохоталась. – Он любит во мне все, даже великого хирурга. Да что мы все обо мне! Расскажи, как ты! Я ж тебя с самой свадьбы не видела!

Отодвинув тарелку, она жадно уставилась на Юлю. Глаза округлились, горя азартом, и даже рот приоткрылся от интереса.

Она переживает за меня и, кажется, действительно хочет услышать, что я счастлива, с удивлением поняла Юля. Что ж, не будем ее разочаровывать...

В тот вечер Юля собиралась в клуб, но неожиданно вечеринка отменилась. Одетая для выхода, она сидела в гостиной на диване, тупо смотрела в темноте телевизор и дулась на весь свет.

– Ты дома, моя девочка? – ласково спросил отец, появляясь на пороге. – Как хорошо!

– Привет, папа! – Юля поднялась поцеловать его и обнаружила, что он приехал не один.

В дверях смутно виднелся незнакомый силуэт.

Включив свет в гостиной, она рассмотрела позднего визитера. Это был высокий, превосходно сложенный брюнет, возраст которого Юля затруднилась определить. Подтянутая

фигура с безукоризненной осанкой, черные волосы без малейших признаков седины говорили об его молодости, но слишком жестким, слишком властным был взгляд его больших черных глаз. Присмотревшись, Юля заметила и «гусиные лапки», и мелкие морщинки на высоком лбу, словом, зрелость уже нанесла на это лицо свою печать. Мужчина был красив, но выглядел несколько экзотично из-за ухоженной бородки-эспаньолки. Юля и не предполагала, что в наши дни кто-то отваживается носить подобное украшение.

Пижон, подумала она, глядя на эту несчастную бородку. Такого мужчину нельзя принимать всерьез.

– Филипп Владимирович Рыбаков, мой потенциальный деловой партнер – моя дочь Юля, – между тем представил их отец.

Она любезно кивнула, а Рыбаков отвесил короткий офицерский поклон, как раз в духе своей эспаньолки.

– Мама на занятиях? Моя жена в последнее время увлеклась спортом, – пояснил отец гостю. – Что делать, в нашем возрасте приходится тратить много сил, чтобы поддерживать форму.

– Совершенно верно! Я, например, как бы ни был занят, два часа в неделю обязательно езжу верхом, – механически ответил Рыбаков, внимательно разглядывая Юлю.

Он даже не пытался скрыть, что девушка произвела на него сильное впечатление.

Большая заслуга понравиться такому дураку! – весело ду-

мала Юля, греясь в лучах его восхищения. – В восемнадцатом веке бабы, конечно, передрались бы за него, но сейчас он смотрится диковато. Начитался Дюма и косит теперь под Генриха Четвертого! Верховом ездит! Удивительно, как он еще догадался явиться без камзола и шпаги? В машине, наверное, оставил... – Она улыбнулась своим мыслям.

– Юлечка, ты не похозяйничаешь? – ласково попросил отец. – Угостишь нас чаем?

Юлины родители были людьми здоровых склонностей и не любили лишнего барства. Постоянной прислуги в доме не было, но дважды в неделю приходила уборщица, а еще была приходящая кухарка, которая в восемь утра подавала завтрак, а в шесть вечера – обед. Если кто-то из членов семьи опаздывал к трапезе, ел самостоятельно. Подавать вечерний чай входило в обязанности матери семейства. Но сейчас она в спортивном клубе, беззаботно плавает в бассейне.

– Я накрою в столовой.

Она немного злилась на папу за незваного гостя, которого теперь придется развлекать. Этикет не позволяет ей просто сервировать стол и уйти к себе, ведь она не прислуга. Папа мог бы провести его к себе в кабинет, думала она. Что за фантазия устраивать дома деловые совещания! Понятно, он хочет показать себя образцовым семьянином, ведь крепкая семья – показатель надежности человека во всех областях жизни. Но папа так богат, что может вести себя как ему угодно.

Наполнив чашки, Юля устроилась в уголке, с завистью глядя, как мужчины беззаботно уничтожают булочки с варварским кремом. Сама она сидела на строгой диете – на прошлой неделе весы показали лишние полкило. Следовало безжалостно уничтожить этих вражеских лазутчиков, пока они не привели с собой новых товарищей.

– Я посмотрел образцы вашей мебели, – сказал папа. – Очень мило, и цена привлекательная. Весьма привлекательная. Готов сотрудничать с вами.

– Благодарю.

– Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, если мы с вами будем придерживаться этой ценовой политики, быстро завоюем рынок. Расходы на рекламу я возьму на себя. Надеюсь, к концу года можно будет думать о расширении производства.

– Спокойнее, Евгений Николаевич! – улыбнулся Рыбаков. – Не будем строить наполеоновских планов.

– Понимаю вашу осторожность. Вы – человек в бизнесе неопытный, но я, поверьте, собаку съел на всех этих делах.

Филипп Владимирович отставил чашку и снисходительно взглянул на собеседника:

– Евгений Николаевич, я двенадцать лет сбываю свой товар покупателю, который почему-то убежден, что этот товар больше ему не нужен. И до сих пор не разорился. Вряд ли меня можно назвать таким уж неофитом. Дело не в моих страхах прогореть.

– В чем же тогда?

– Никто не знает, как пойдут наши кухни здесь. В моем городе они расходятся на ура, но кто знает, вдруг народ покупает их из патриотизма?

– Что вы говорите, Филипп Владимирович! Качество отменное, и население быстро это раскусит.

Юля украдкой зевнула. Ее отец сам признавался, что в бизнесе он – авантюрист, любит не просто заработать, а «сорвать куш». Похоже, тут именно такой случай.

– Сразу хочу вас предупредить, что при любом развитии событий объем производства останется на прежнем уровне. Я и так выжал из своих площадей все, что возможно.

– Это решается, – засмеялся папа.

– Евгений Николаевич, тут вопрос принципиальный. Понимаете, при любой воинской части есть подсобное хозяйство. Но основной функцией этой части является все же не откорм свиней, а оборона страны. Так и у нас. Увы, родина поставила наше предприятие в такое положение, что мы вынуждены производить всякую дребедень, чтобы иметь возможность ремонтировать подводные лодки. Я не говорю уж о производстве, за двенадцать лет моего директорства у нас не было ни одного заказа. И все равно, мы не можем забывать об истинном предназначении завода.

– Не напрасно ли вы упорствуете?

– Не напрасно, – отрезал Рыбаков.

Его суровый ответ стер с лица папы доброжелательную улыбку.

– Да, кажется, не зря вас прозвали «железным наркомом», – буркнул он, подливая себе чаю.

– Я не обижаюсь на это прозвище.

– Вот как?

Юля нерешительно выпрямилась в кресле. За разговорами мужчины совершенно о ней забыли, Рыбаков больше не поглядывал на нее, можно выбрать момент и уйти.

– Именно. Больше скажу, мне претят разговоры о сталинских репрессиях! Ведь если посчитать, сколько народу погубила перестройка, получится ничуть не меньше.

– Господи, что вы говорите!

– Судите сами. Погибшие от наркотиков, спившиеся, бомжи, жертвы СПИДа и туберкулеза. Убитые в криминальных перестрелках и межнациональных конфликтах, которые суть те же разборки. Плюс косвенные потери от падения рождаемости, да рост смертности среди стариков из-за низкого уровня жизни и недоступности медицинской помощи. Суммируйте, и вы получите страшную цифру. Нет, я не отрицаю, репрессии были. Но те жертвы были хотя бы принесены ради великой цели, ради идеи, а эти для чего? Для дальнейшего растления нации?

– Да с вами страшно иметь дело! – воскликнул отец почти восхищенно. – Вы предпочли бы жить при тоталитарном режиме? Сейчас у нас все-таки свободная страна...

– Евгений Николаевич, свобода, это не когда гражданин выбирает, пойти ему сегодня в бордель или в кабак. Свобода

– это когда он решает: жить как скот, или стремиться к совершенству. И в этом смысле человек свободен всегда. При любом режиме, в любых обстоятельствах. А у нас теперь люди не знают, где совершенство. Все идеалы развенчаны, вот что страшно.

Юля не желала больше слушать эти разговоры, достойные заседания партячейки старых коммунистов.

Она встала:

– Простите, я вас покину.

Рыбаков вежливо поднялся, и вдруг Юля поймала его короткий растерянный взгляд. Он не хочет, чтобы я уходила, поняла она и остановилась на пороге.

– Мне было очень приятно с вами познакомиться, – сказала она мягко.

Отец подошел к ней и грубовато обнял за плечи, прощаясь на ночь.

– Ругаете современное общество, за нацию переживаете, а посмотрите-ка на мою Юленьку, – добродушно сказал он. – Аспирантка, отличница! Разве она плохой представитель нации?

– Юлия Евгеньевна не только хороший, но и прекраснейший представитель нации!

Она даже немного смутилась от такого комплимента.

– Вот и спросите ее, как бы ей хотелось жить? Своим умом или чужими идеями?

Юля поморщилась. Втягиваться в философский диспут

ей совершенно не хотелось. Не говорить же постороннему человеку, что его место рядом с сумасшедшими бабками на митинге. Слава богу, она хорошо воспитана и умеет поддерживать беседу.

– Ни одна идея не имеет цену выше человеческой души, – ответила она вычитанной где-то фразой. – Если ради нее начинают убивать и грабить, идея превращается в свою противоположность. Мне кажется, не так уж важно, во что именно верить и кому служить, главное – верить искренне и служить честно. До свидания, Филипп Владимирович. Спокойной ночи, папа.

Зная манеру отца вести дела, Юлия была уверена, что тот передал Рыбакова кому-то из своих подчиненных, и, значит, она больше не увидит этого странного человека. Но Евгений Николаевич часто упоминал директора завода, причем отнюдь не лестным словом. По его мнению, человека хитрее земля еще не рожала. Филипп Владимирович, бесстыдно прикрываясь личиной коммуниста и радетеля о благе народном, пытался выжать для себя как можно больше выгод из грядущего сотрудничества.

– Он даже не соизволил под свои тумбочки какое-нибудь ОАО учредить! – возмущался отец. – Я должен вести дела непосредственно с администрацией завода, то есть, с ним! Хорошо устроился! Вложения государственные, а прибыль – себе в карман! Еще Сталина ему подавай! Да при Сталине

он бы уже десять лет на Колыме лопатой махал!

Юля равнодушно пожимала плечами, не понимая, отчего отец так нервничает. Проект Рыбакова для него – всего лишь капля в море. Отказавшись от него, много ли папа потеряет?

А недели через три Евгений Николаевич позвонил ей и попросил принять Филиппа Владимировича дома.

– Юлечка, займи его часик! Я назначил встречу, но тут проблемы с канадскими партнерами. А мне бы хотелось сегодня все с ним решить!

Рыбаков приехал точно в назначенное время. Открыв дверь, Юля увидела человека, находящегося в крайней стадии переутомления. Он осунулся, под глазами лежали глубокие тени, и чувствовалось, что больше всего на свете Филипп Владимирович хочет спать. Глаза его, так пылко смотревшие на нее в прошлый визит, теперь были пусты.

– У вас усталый вид, – мягко сказала она. – Что-то случилось?

– Спасибо за участие, Юля. Ничего особенного, просто небольшой аврал, на заводе такое бывает.

– Папа просил извинить его. Неотложные дела. Вы не могли бы его подождать? Он приедет в течение часа.

Рыбаков кивнул. Отказался от угощения, мол, слишком устал, чтобы есть. Просто посидит в гостиной.

Юля знала эту тяжелую мужскую усталость, возникающую от критического напряжения всех душевных сил человека. Хирурги иногда выходили такими из операционной. Она по-

нимала, как обидно Рыбакову слышать, что его отдых откладывается по меньшей мере на час, который придется потратить на пустую болтовню с посторонней девицей. И ей вдруг захотелось помочь ему...

Мама снова была в спортивном клубе, значит, можно принять гостя по своему усмотрению. Юля капризно надула губки:

– Нет, Филипп Владимирович, так не годится. Папа приказал мне развлекать вас, а я свой долг хозяйки хорошо знаю! Если вы сами ничего не хотите, доверьтесь мне!

– Охотно, – Рыбаков слабо улыбнулся.

Юля провела его на огромный балкон второго этажа, свое любимое место в доме.

Дом стоял на пригорке, и в погожий день с балкона открывался прекрасный вид на залив. Сейчас, в сумерках, серебряная гладь сливалась с низким облачным небом, и полоска рощи лежала внизу серой тенью. На узкой косе еле тлел огонек причала, единственный признак человеческого присутствия на несколько километров вокруг, и Юля вдруг подумала, что они вдвоем, отрезаны от всего мира этим теплым летним вечером и туманом... Пусть в десяти минутах ходьбы шумело шоссе, это ничего не меняло – никого не было в мире сейчас, кроме них двоих.

От этой странной мысли Юля качнулась к Рыбакову, но тут же опомнилась и отступила.

Она не случайно выбрала балкон – там стояли плетеные,

похожие на зубоврачебные, но очень удобные кресла-шезлонги. Рыбакову хочется вытянуть ноги, а в гостиной сделать это воспитанному человеку невозможно.

– Принести вам плед?

– Что вы, Юля, не тревожьтесь.

Ну вот, «не тревожьтесь»! Чем прикажете развлекать такого господина? Любезная хозяйка не может включить гостю телевизор, если он сам об этом не попросит, а слушать панегерики кровавому режиму нет ни малейшего желания. Филипп Владимирович между тем бодро подводил к этой теме:

– Вы так хорошо сказали в прошлый раз... Я часто вспоминал ваши слова.

– Прошу вас! Вы устали, а вам предстоит еще серьезный разговор с папой. Давайте не будем тратить ваши силы на политические диспуты.

– Давайте, – легко согласился он.

Повисла неловкая пауза.

– Юля, – гость замялся, – могу ли я попросить показать мне ваш альбом?

– Какой альбом?

– Фотографии. Я очень люблю смотреть старые снимки.

– Разумеется.

Достав тяжелый фолиант в кожаном переплете, Юля устроилась на пуфике рядом с Рыбаковым. Давая пояснения снимкам, она близко склонялась к нему, руки их соприкасались, и Юля вдруг ощутила, как приятна ей эта близость.

От его сильного тела веяло теплой, доброй энергией, и ей почти невыносимо захотелось прижаться к нему, почувствовать ласку этой твердой руки, перелистывающей альбомные страницы.

А Рыбаков не замечал ее волнения, спокойно улыбался, глядя на насупленную семилетнюю Юлю с бантами-пропеллерами и огромным букетом в руках.

– Мама какая у вас красавица, – заметил он. – А Евгений Николаевич почти не изменился. Ух ты! – Рыбаков добрался до серии фотографий с соревнований. – Неужели это вы, Юля?

Она гордо выпрямилась на пуфике:

– Да, Филипп Владимирович, это я. Мастер спорта по художественной гимнастике. До института я даже входила в сборную города... Правда, никогда не занимала призовых мест.

– Что так? – Он разглядывал один из самых удачных снимков, на котором Юлю сфотографировали во время сложного переворота.

– Я не слишком усердно занималась. Родители тщательно следили, чтобы гимнастика не шла во вред учебе. Но я была очень артистична, очень! – вдруг расхвасталась Юля. – Вы бы видели мои композиции!

– Был бы счастлив увидеть!

– Правда?

Она вскочила, удивляясь себе.

– Подождите минуточку! Сейчас я вам все продемонстрирую. Желание гостя – закон для хозяйки.

Рыбаков улыбнулся, в черной бороде хищно блеснули белоснежные зубы, и Юля чуть не сошла с ума.

– Стоит ли ради меня... – начал он, но Юля, не слушая, уже бежала переодеваться.

Она давно ушла из большого спорта, но формы не теряла, регулярное посещение фитнес-клуба с индивидуальным тренером было железным правилом. Она стремительно переделась в гимнастический купальник и помчалась обратно на балкон, по дороге приседая и растягиваясь у лестничных перил. Лучше всего ей удавались упражнения с лентой, но для того, чтобы эффектно ее распустить, требовалось пространство побольше балкона. Кидать мяч и булавы тоже, пожалуй, неспособно, еще попадет бедному Рыбакову по голове. Лучше всего показать вольные упражнения. Без хорошей разминки на акробатические элементы она не решится, да и места мало... Выступление покажется Филиппу Владимировичу бледным, а сама она – взбалмошной хвастуньей. Юля решительно выхватила из шкафа в холле свою ленту и выбежала на аккуратно подстриженный газон перед домом. Фонари создавали здесь почти театральное освещение.

– Эй! – крикнула она, задрав голову. – Я здесь!

Рыбаков перевесился через перила.

Юля искала в телефоне подходящую музыку. Ее «нокия» обладала мощным динамиком.

– Какая-то у нас неправильная получается сцена на балконе, вы не находите, Юля? – засмеялся Рыбаков. – Разрешите, я спущусь?

– Сверху лучше видно. Итак, Юлия Анненская, Россия!

Она собиралась исполнить лирическую композицию, но сообразила, что в спешке надела агрессивное черно-красное трико, купленное для одного-единственного номера. А, ладно, была – не была!

В динамике зазвучал Сен-Санс, рондо каприччиозо. Впервые услышав эту музыку, Юля испытала душевный подъем и странное беспокойство. А потом сама придумала композицию на эту миниатюру, и даже скупой на похвалы тренер признал композицию отличной.

Разбежка, прыжок, и Юля забыла, что не готовилась к выступлению и собиралась беречься. Двойной переворот, шпагат, сальто! Она на секунду остановилась и дерзко посмотрела на Рыбакова. Лента полоскалась над головой, как пиратский флаг. Попробуй, возьми меня голыми руками! Я не растаю от твоего тепла! Переворот назад, свечка, колесо!

– Потрясающе, – сказал Филипп Владимирович серьезно, когда она остановилась, тяжело дыша. – С меня букет.

Поклонившись, Юля побежала к себе – переодеться и наскоро ополоснуться. Вот сейчас папа придет, и что он увидит? В доме чужой мужчина, а дочка в душе. Как будет выкручиваться милейший господин Рыбаков?

Она натянула джинсы и свитер на еще влажное тело и вер-

нулась на балкон.

Рыбаков вскочил, сказал, что восхищен, от его усталости не осталось и следа... И вдруг между ними воцарилось напряженное молчание, выдержать которое трудно, а прервать — почти невозможно.

Юле невольно вспомнилось, как уютно могут сидеть ее родители, не перемолвившись ни единым словом. Может быть, любовь и есть переход от молчания неловкого к молчанию мирному и спокойному?

Наконец, появился отец и сразу увел Рыбакова к себе. Оставшись одна, Юля отругала себя за глупый порыв. Почему ее вдруг потянуло к немолодому мужчине? Не влюбилась же она в него... Так, мимолетное желание, каприз.

Засиделась она в девках, вот что! Нужно срочно обзаводиться мужем.

Уходя, Рыбаков пожелал с ней проститься. Отец вызвал Юлю в холл, и Филипп Владимирович церемонно поклонился:

— Вы подарили мне прекрасный вечер, Юля! Вы познакомили меня со своим увлечением, теперь я хочу познакомить вас со своим. Приглашаю вашу семью в воскресенье осмотреть наши конюшни.

... — Ух, ты, у вас свои конюшни есть? — восхищенно перебила Машка.

— Да, есть, — ответила Юля твердо (А чьи это уголья, кот? —

Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса!).

Чертовы конюшни сыграли в ее судьбе роковую роль.

– Здорово! – Машка энергично запустила руки себе в волосы, отчего ее прическа, и так ужасная, пришла в полную негодность. – Пригласишь как-нибудь лошадок посмотреть? Сенька придет в восторг.

– Конечно.

Чайник закипел, и Юля наполнила чашки. Машка тут же бросила в свою три куска сахара и, размешивая, жадно спросила:

– Ну?

– Ну и ну. Мы приехали, родители сели пить кофе на веранде, а мы пошли смотреть коней. Сначала Филипп красовался передо мной, брал барьеры, а потом посадил меня на лошадь... Так здорово, но страшно. Оказываешься гораздо выше, чем думала, будто на втором этаже. Мама увидела, раскричалась, пришлось ему меня снимать, – Юля мечтательно улыбнулась. Сейчас она говорила правду. Почти правду. – Я, как пишут в старинных романах, соскользнула в его объятия, и тут мы оба почувствовали... Я даже не знаю, что мы почувствовали. Одна минута совершенства мира, только так я могу это описать. Через полчаса он сделал мне предложение.

– И ты приняла?

– Нет, конечно! Сказала, что подумаю.

Юля не собиралась выходить за Рыбакова. Волнение, которое она испытывала рядом с ним, скорее пугало ее, чем притягивало к нему. Ему сорок два года, он всего лишь директор завода, и она совсем не влюблена – достаточно оснований, чтобы отвергнуть жениха. Она думала, что родители тоже не прельстятся его кандидатурой и сами откажут Рыбакову, избавив ее от объяснений.

К ее огромному удивлению, родители обрадовались.

– Выходи за него, – сказала мама. – Тебе уже двадцать пять, а у тебя даже нет постоянного бойфренда. Время работает против тебя, Юлечка.

– У меня нет бой-френда только потому, что я сама этого не хочу!

– Конечно, Юля, конечно. Увы, наше общественное положение играет с тобой злую шутку. Ты обеспечена, успешна, к тому же очень красива. Честные мужчины понимают, что ты слишком хороша для них, а охотников за деньгами ты сама насквозь видишь. Откровенно говоря, люди нашего круга просто опасаются связываться с твоим отцом, ты же знаешь, как он бывает крут. Они понимают, каким он будет требовательным тестем. А Филипп Владимирович, видишь, оказался смелым человеком.

– Угу. Или он плохо разбирается в людях, – буркнула Юля. – Мама, но я же не люблю его!

– Поверь, любовь – самое последнее, ради чего стоит выходить замуж.

Юля фыркнула. У нее было все, кроме любви, и она не собиралась от нее отказываться.

– Ты мечтаешь о любви, – продолжала мама, – но кто знает, в кого тебя угораздит влюбиться? Вдруг в какого-нибудь подонка? Вот что я скажу тебе, моя дорогая: знаешь, как ведут бизнес? Одну часть денег помещают в надежные бумаги с гарантией, другую – в акции, а третью – в рискованные предприятия, где заявлен высокий процент дохода. Так вот, любовь – это когда тебе застит мозги этот высокий процент, а о самом предприятии ты знать ничего не знаешь. А ты у себя одна, разделиться не можешь, поэтому придется выбирать. Я бы выбрала надежность.

Юля пожимала плечами.

– Хорошо, откинем эмоции. Но даже на холодную голову он всего лишь директор завода. Разве это наш уровень?

– Всего лишь директор! Ха-ха-ха! – патетически восклицал папа. – Да он состоятельнее меня! Я вкладываю деньги в бизнес, а он – в кармашек, государство-то финансирует! Одни кухни чего стоят, а он еще бытовую технику какую-то клепают в своих цехах. Пардон, не в своих, в государственных. Знаю я этих управленцев: все вокруг колхозное, все вокруг мое.

– Женя, вдруг ты ошибаешься? – возразила мама. – Филипп Владимирович произвел на меня впечатление порядочного человека. Уж будто все руководители крадут?

– А то кладут! – отрезал отец. – Он порядочный, иначе я

бы Юлю за него не выдавал. Но есть правила игры. Не играешь – не выживаешь. Короче, без куска хлеба не останешься, дочка, будь спокойна.

– Нас так тянуло друг к другу, что мы не могли долго ждать, – самозабвенно врила Юля. – Ну, на свадьбе вы с Петей были... Кстати, я так и не спросила, понравилось ли тебе?

– Не то слово! Петька, как увидел тебя в свадебном платье, просто ошеломился, и я его понимаю.

Пришлось отпить глоточек, чтобы скрыть самодовольную улыбку.

– Ты сразила наповал всех гостей мужского пола, а жених, кажется, никого не видел, кроме тебя. Впрочем, он и сам был очень хорош. Вас можно было на обложку глянцевого журнала помещать – как самую красивую пару года.

Юля улыбнулась. Сама Маша выходила замуж без всякой помпы. У нее не было даже свадебного платья, пришлось Юле срочно тащить ее в магазин и покупать наряд. Машка при этом отбивалась, норовила выбрать подешевле, но Юля экипировала ее, как любящая мать. Главным при этом были не чувства, которые она питала к подруге, а обида на Петю. Пусть видит, насколько он ей безразличен!

– Из-за спешки мы не поехали в свадебное путешествие, решили, наверстаем потом. Сняли на уик-энд люкс в «Белых ночах», и все.

– Ну, это все фигня, – заявила ветеран семейной жизни Машка. – Спишь-то с человеком, а не с номером для нобобрачных. У нас, помнишь, где первая ночь была? Петька только квартиру получил, голые стены. Матрасик в углу, и все. Так на этом матрасике, я тебе скажу...

– Да, я помню ваше брачное ложе. Вы диван-то, кажется, только через год купили.

– Угу. Сенька тогда уже родился, а до этого все в углу на коврике. Помнишь, нас еще напольными миллионерами дразнили? Так что если счастлив, счастлив хоть где угодно.

– Это правда.

Ровно наполовину, мысленно добавила Юля.

...Смятая постель. Темно. Она, разочарованная и потерянная, в чужих стенах, с чужим человеком. Филипп склоняется к ней, а Юля прячет лицо в подушку, чтобы он не почувствовал, как на глазах закипают слезы.

– Прости, солнышко, прости меня.

– Все хорошо, Филипп.

– Правда? Я не обидел тебя?

– Ну что ты.

– Нужно было сказать. Я был бы осторожнее.

– Для меня это само собой разумелось. Ты же знал, что я не была замужем, – замечает она не без яда.

– Солнышко, я об этом даже мечтать не смел.

Теплая сухая рука осторожно проводит по ее бедру, Юля

чувствует твердую мозоль на ладони. Тело, к которому больше не хочется прижаться, которое не таит больше прекрасных загадок, вытягивается рядом с ней.

Мягкие губы целуют ее возле уха и шепчут со странной тоской: «Я никогда не был так счастлив, как сейчас с тобой, никогда».

– Филипп – просто чудо, – сказала Юля.

– Значит, у вас все хорошо?

– Лучше быть не может.

– Я так рада за тебя! Честно говоря, когда ты так внезапно пригласила меня на свадьбу, и я увидела, что жених настолько старше, то испугалась. Даже подумала, что тебя родители насильно выдают...

– Маша, нельзя быть такой романтичной. Тем более, я никогда не думала про нашу разницу в возрасте. Филипп молод телом и душой, а я, наоборот, рано перестала чувствовать себя ребенком. Лет с десяти, когда спортом стала серьезно заниматься.

– Но он, наверное, относится к тебе, как к девочке? Балует страшно?

Юля всплеснула руками и мечтательно закатила глаза:

– Не то слово, Маша, не то слово! Любой мой каприз для него закон. Правда, – поспешно добавила она, – с замужеством я охладела к тряпкам и сама часто отговариваю его тратить на меня.

Испугалась, что Маша попросит показать подарки Филиппа.

Став женой Рыбакова, Юля сделала гигантский шаг вниз по социальной лестнице. Из представительницы элиты она превратилась в обычную российскую домохозяйку.

Она была не готова к таким резким переменам, ведь родители сулили ей не только прочный, но и выгодный брак.

Первым делом оказалось, что сумма, оставленная ею в супермаркете, была выдана на две недели. Филипп Владимирович вздохнул и стал финансировать ее дробно, раз в три дня.

Освоение дешевого универсама рядом с домом шло трудно – Юлю раздражали толстые тетки с плохо крашенными волосами и унылыми лицами, цепко роющиеся в ящиках с фруктами. Взять яблоко после их рук представлялось совершенно невозможным. Мясо казалось тухлым и заветренным, сыр и мыло почти не отличались друг от друга по виду и вкусу, а с марками йогуртов и шампуней, продающихся в этом магазине, Юля просто не была знакома.

Но когда она говорила Филиппу, что нужно покупать продукты в хорошем магазине, тот отвечал, что они не могут себе этого позволить.

То же самое она слышала, когда хотела порадовать себя новой вещичкой. Филипп делал вид, что не понимает, зачем ей новая кофточка, если шкаф ломится от одежды.

Все ее попытки подобраться к семейному бюджету он пресекал, говорил «пока рано», между тем Юля считала, что умеет распоряжаться деньгами. Отец выдавал ей на личные расходы строго фиксированную сумму, и Юля никогда не выходила в дефицит.

Угроздило же меня выйти за скупердя, мрачно думала она, получив жалкую сумму «на булавки». Только что на булавки и может хватить – к привычным ей кремам и шампуням с этими деньгами было не подступиться.

Иногда, гораздо реже, чем нужно, он делал ей подарки – золотые часики, серьги, но все это была такая дешевка!

На второй месяц замужества у нее кончились духи, и в один из редких совместных походов за покупками Юля потащила мужа в парфюмерный магазин за новым флакончиком. Рыбаков категорически отказался выкладывать двадцать тысяч за крошечный пузырек.

– Но это же *мои* духи, – втолковывала ему Юля, – это часть меня, понимаешь? Без духов я – как без кожи.

Филипп приподнял бровь. Он, воспитанный в семье научных работников, считал парфюм не предметом первой необходимости, а символом роскоши, который дарят на Восьмое марта, но никогда не покупают без повода.

– Птиченька моя, – жарко зашептал он ей в ухо, – зачем тебе духи? Ты юная чистая женщина, ты удивительно приятно пахнешь сама. Seriously! У тебя свой, неповторимый аромат, и я хочу дышать тобой, а не всякой химией.

Юля мрачно выпятила челюсть.

– Угу. А еще ты говорил, что у меня необыкновенно красивое тело, так, может, мне голой ходить? – буркнула она.

– Логично, – рассмеялся Рыбаков и полез за бумажником.

Неужели всю жизнь придется с таким трудом вытягивать из него деньги? – тоскливо подумала Юля, пряча духи в сумочку. Сопротивление Филиппа отравило ей всю радость покупки.

Она жаловалась родителям, но отец категорически отказался помогать молодой семье.

– Разбирайтесь сами, – сказал он. – Уверен, что денег у Рыбакова полно, просто он не может их афишировать.

Мол, директор завода должен делать вид, что не злоупотребляет.

Пусть сначала обеспечит мне тот уровень жизни, которого я достойна, а потом шифруется сколько угодно, злилась Юля, раздосадованная отказом отца хотя бы оплачивать ей занятия с тренером.

В Юлиной семье считали, что каждый должен жить своей жизнью.

– Поверь, я отказываю не из жадности, – втолковывал ей отец. – Я хочу, чтобы ты сама прошла свой путь. И научилась, в конце концов, управлять мужем. Вот, смотри, допустим, бабушка берет на себя заботу о младенце, хорошо это?

– Наверное, – недоуменно откликнулась Юля, зная, что от ее мамы такого подвига ждать не приходится.

– С одной стороны, да, а с другой – она лишает свою дочь всех переживаний материнства. Или жена, понимая, что ее муж зарабатывает мало, начинает зашибать деньги. С одной стороны, помогает ему, а с другой – не дает почувствовать себя главой семьи. Юля, пойми, когда ради тебя чем-то жертвуют, может статься, что тебе придется платить за эту жертву огромную цену.

Тоже мне жертва, заплатить за фитнес!

– Твердо запомни, жертвовать собой ради другого можно только при форс-мажоре! Иначе ты или обкрадываешь этого другого, или превращаешь свою жизнь в фарс. Единственный известный мне пример великой и достойной жертвы – жены декабристов. В общем, только благодаря их подвигу этих придурков до сих пор вспоминают с уважением, не зря Николай не хотел жен в Сибирь пускать!

– При чем тут это? – Бросать все и тащиться за мужем на каторгу она уж точно не собирается! Ни при каких обстоятельствах.

– Да так, к слову. Поверь, гораздо интереснее воспитать мужа, подчинить его себе, чем тянуть деньги у отца!

Юля понуро поплелась на автобус – еще одно испытание, ниспосланное ей, привыкшей ездить с шофером. Отец даже не предложил отвезти ее домой...

Как жить, когда тебя окружают одни жмоты?

– Значит, ты сама ведешь хозяйство? – осторожно спро-

сила Маша.

Юля придала себе легкомысленный вид.

– Да, пока приходится. До меня к Филиппу два раза в неделю приходила соседская бабушка, но мы рассчитали ее – не годится, чтобы старушка прислуживала молодой женщине. А найти хорошую домоправительницу – ох, как непросто. Если молодая, будет приставать к мужу, постарше – запьет... Еще нужно, чтобы умела держать язык за зубами, город-то маленький, Рыбаков тут – первое лицо, и совсем не хочется, чтобы все знали об интимных подробностях нашей жизни. Но, знаешь, я даже втянулась!

...Юля, морщась и держа руки на отлете, сняла толстые резиновые перчатки. Ух, наконец-то унитаз вымыт! Каждый день, просыпаясь, она с ужасом думала об этой процедуре. Ну какую любовь может чувствовать жена к мужу, если она ежедневно драит за ним сантехнику?

Раньше Юля не задумывалась, сколько работы делают для нее чужие, наемные руки. Каким образом получается порядок в квартире и как появляются в шкафу чистые вещи. И вкусный обед возникал на столе как бы сам собой.

Она не желала отказываться от своих привычек, но теперь пришлось обслуживать себя самой. Да еще Филипп, каждый день надевавший свежую сорочку и устроивший ей настоящую выволочку, не обнаружив таковой в одно прекрасное утро.

Пришлось спешно учиться тому, что другие девушки впитывают с детства, и Юля не избежала ни одной ловушки, подстерегающей молодую неопытную хозяйку.

Первые несколько обедов были ею постыдно кремированы. Правда, Филипп благосклонно взирал на ее кулинарные упражнения и уверял, что из ее ручек любая бурда кажется ему божественным нектаром.

С утюгом она управлялась так лихо, что Рыбаков предпочитал гладить свои брюки сам. Осмотрев после первой Юлиной глажки безнадежно пригоревшую подошву утюга, он на всякий случай купил сразу два «тефалья».

Со стиркой дело обстояло чуть легче – у Юли хватало разума запихивать в машину белое белье отдельно от цветного. Но у нее было много дорогих вещей, требующих только ручной стирки. Помучившись пару раз, она решительно запихнула свои бесценные тряпочки в машину. Гори все огнем, пусть свитера рвутся, теряют цвет – не стоят они таких усилий! Туда же отправился и дорожный ангорский свитер Филиппа. Что ж, одежда совсем не пострадала, осталась целой и такой же яркой, только стала на пять размеров меньше.

Юля ожидала разноса, но муж только добродушно посмеялся, мол, не знал, что у них не просто стиральная, но еще и уменьшительная машина.

Убираться Юля ненавидела. Чтобы облегчить себе труд, накупила дорогих моющих средств, обещавших сияющую чистоту без малейших усилий. Но, во-первых, ни одно из них

не бегало само по квартире с тряпкой, во-вторых, все они страшно воняли и портили руки даже через перчатки, а на эмаль плиты, которую Юля в течение недели драила с энтузиазмом новобранца, было просто жалко смотреть.

Самое плохое, что домашние дела требовали уйму времени. Как это Машка Горошкина ухитряется за три часа сварить суп, повернуть большую стирку, вылизать квартиру до зеркального блеска, одновременно болтая с Юлей по телефону? Это было непостижимо.

А главное, ради чего она превратилась в домработницу, почти рабыню? Ради чего отказалась от привычного уклада жизни? Переехав к Филиппу в город-сателлит, она не только проиграла материально, но и лишилась привычного круга общения. Все светские знакомства остались в Питере, и пусть до них было всего сто километров, связи разрушились почти безнадежно. Новыми знакомствами Юля не обзавелась – здесь просто не было людей «ее уровня». Кроме того, Рыбаков, будучи приятным в обхождении, оказался очень замкнутым человеком. Юля представляла, как будет «дружить семьями» с его заместителями и руководством города, но у Филиппа Владимировича это не было заведено.

– Невозможно руководить человеком, если ты вчера пил с ним водку, – говорил он, – а от дружбы жен упаси меня бог! Марья Ивановна попросит, чтобы ты устроила ко мне ее разгильдяя-племянника, ты захочешь ей угодить. Не от большой любви к Марье Ивановне, а чтобы показать, как много

ты для меня значишь. И мне придется терпеть либо никчемного племянника на работе, либо скандалы в доме. Ни то, ни другое мне не нужно.

Она вдруг стала очень одинока. Филипп целыми днями торчал на работе, позволяя себе один выходной в две недели, приходил домой спать и есть. «Роскошь человеческого общения» была ей теперь доступна только по вторникам, когда Юля, перешедшая в заочную аспирантуру, ездила на кафедру.

Не слишком ли все это большая цена за то, чтобы по ночам терпеть ласки, оставляющие ее равнодушной? Филипп был чутким и сильным любовником, но в его руках Юля не испытывала того трепета, о котором мечтала с ранней юности и слабую тень которого почувствовала при первом знакомстве с мужем. Несмотря на зрелый возраст, Филипп оставался странно целомудренным, скованным, будто боялся обидеть ее нескромным движением.

Как-то он пришел в десятом часу после тяжелого совещания, измотанный так, что даже отказался от ужина.

Секса не будет, подумала Юля, укладываясь рядом. Но Филипп привлек ее к себе.

– Приголубь меня, – шепнул он.

Юля послушно стала гладить его плечи, и вдруг чувственно, животно поняла, что она – хозяйка этого сильного мужского тела. Сознание, что Филипп – в ее руках, неожиданно вызвало у нее сладкую дрожь. Ей захотелось доставить

ему изысканное наслаждение, казалось, его восторг эхом отзовется и в ее теле.

Осмелев, она покрыла его шею мелкими короткими поцелуями, коснулась языком груди, заросшей густой мягкой шерсткой, легко провела кончиками пальцев по животу. Поняв, что она собирается делать, Филипп вдруг отпрянул, не сказав ни слова, дал понять, что такие ласки не приемлет. Хорошо хоть, до того как она слишком явно обнаружила свои намерения.

Это движение страшно оскорбило Юлю. С тех пор она запретила себе всякую инициативу. Ее тяга к мужу в один момент была уничтожена навсегда.

Юля думала, что Рыбаков будет недоволен, застав гостью, но он неожиданно обрадовался.

– Как хорошо, что вы зашли, Машенька! Приятно, что не забываете подругу.

Маша разразилась речью, что такую прекрасную подругу, как Юля, забывать преступно. Рассказала, как та купила ей свадебное платье, крестила сына и написала реферат по социальной медицине.

– Она столько всего для меня сделала! – закончила Машка интригующе. На самом деле она перечислила абсолютно все Юлины благодеяния.

Покончив с представлением, Горошкина собралась домой.

– Куда же вы, Машенька! Мы не успели толком познакомиться...

– Пора. Петька там, наверное, извелся один с ребенком.

– Хотя полчаса еще побудьте. Поужинаем, а потом мы с Юлей отвезем вас домой, хорошо? Всяко лучше, чем в электричке трястись.

Подруга стала отнекиваться, потупясь. Если что и могло смутить Горошкину, так это предложенная ей бескорыстная помощь.

– Никаких возражений! Даже не собираюсь слушать! Для меня это не труд, я за рулем отдыхаю. А на обратном пути заедем с Юлей в «Ленту», все равно собирались.

Юля разглядывала потолок. Рыбаков неточен в формулировках. Разве, когда жена три недели зудит – давай съездим в Ленту, а муж отвечает – ну на фиг, называется «собирались»?

– Ой, а можно тогда в «Ленту» по дороге туда?

– Для вас, Машенька, все что угодно.

Оказывается, Филипп знал о Машкиной героической операции. Пациент оказался старейшим токарем завода, и Рыбаков принял живое участие в его судьбе. Дорогой он все расспрашивал Машку, как прошла резекция аневризмы и что нужно для скорейшего выздоровления.

Юля смотрела, как Горошкина набивает корзину убогими продуктами. Гречка, стиральный порошок по скидке, отвратительное дешевое постное масло.

– Не стесняйтесь, Машенька, берите всего побольше. Я, разумеется, оплачу.

Горошкина замерла. Насколько Юля знала подругу, сейчас она начнет не наполнять корзину, а выгружать товары.

– Серьезно, Машенька. Должен же я как-то отблагодарить вас за великолепную работу. Деньги совать некрасиво, так примите хоть эту маленькую услугу.

Покраснев, Машка обморочным голосом уверила Филиппа, что взяла уже все, что хотела.

– Эх, Мария! – Он с шутливой укоризной отнял у нее тележку. – Вы, оказывается, безалаберная хозяйка. Придется брать дело в свои руки. Так. Чай надо? Надо!

Подхватив Машку, Рыбаков уверенно двинулся по рядам. Юля со своей тележкой плелась сзади, от злости не сообщая, что нужно ей самой. В корзину Горошкиной сыпались именно те продукты, которые «мы не можем себе позволить».

– Боюсь показаться нескромным, но мне кажется, лишняя пара чулок всегда бывает кстати. Прошу, выбирайте. Если хотите, я могу отвернуться. Впрочем, подождите. Вы возьмете самые паршивые, знаю я вас! Давайте поручим это дело моей жене, она настоящий эксперт в области нарядов.

Скроив любезную мину, Юля выбрала тончайшие чулки с кружевной резинкой. Дорогие, не придерешься, но рвутся – будь здоров! Машке не придется долго наслаждаться подарками Филиппа.

Рыбаков бестрепетной рукой добавил в тележку еще четыре пары.

– Что у нас дальше? Пойдемте, ребенку что-нибудь возьмем, надо же его утешить, что целый день маму не видел.

Юля уже задыхалась от ярости. Тут тысяч на семь, не меньше. На жену у нас денег нет, а на чужую бабу, значит, пожалуйста! Спасла жизнь какого-то токаря, пусть даже восьмого разряда, ну и что? Машка ему – никто, токарь ему – никто, однако на них летят деньги, которых законной жене не выманить за целый месяц!

Но самым ужасным было смотреть, как радостно и азартно Филипп бежит по супермаркету ради посторонней женщины, ибо вдвоем с женой он безучастно возил тележку, лишь изредка накладывая вето на слишком дорогие продукты.

– А я ведь, Машенька, обхаживаю вас с далеко идущими намерениями. Такой я негодяй!

Рыбаков галантно склонился к Машкиной руке. Лапка так себе, маникюр подруга сроду не делала. Интересно, что ему нужно от этой курицы?

– Я подумал, не заключить ли мне с вами договорчик? Вы будете приезжать, оперировать, а я бы вам платил за это из директорского фонда. А, Мария?

– Я даже не знаю...

– Далеко ездить? Не волнуйтесь, транспортом обеспечу.

Юля усмехнулась. Чтобы пооперировать, Горошкина по-

мчится хоть на Луну.

– Я слежу за здоровьем своих сотрудников, – продолжал Филипп, – застраховал всех в самой лучшей, как я думал, компании, а когда подписал договор, выяснилось, что экстренную помощь они не оплачивают, онкологию тоже, и сосудистые заболевания, оказывается, не входят в комплекс услуг. Больных направляют в сосудистое отделение областной больницы на общих основаниях, а там им никто не рад. Очередь на полгода, врачи намекают, что лечиться даром – даром лечиться, и мои сотрудники пребывают в законном недоумении. Как так, директор вгрохал уйму заработанных ими денег в охрану их здоровья, а им снова нужно платить!

Маша приосанилась, открыла рот, и Юля ретировалась к прилавку с йогуртами. Все, что Горошкина сейчас скажет про организацию медицинской помощи в России, Юля знала наизусть.

Мы просто перепутали мужей, вдруг весело подумала она. Эти два оголтелых коммуниста с первой минуты души не чают друг в друге, а Петя под моим руководством мог бы развиться во что-то более путное, чем замороченный отец семейства. У него были амбиции, и мечтал он обо мне, а не об этой корове Машке. Он жалеет о том, что выбрал ее, точно жалеет! Понять бы еще, почему он так поступил... Юля часто вспоминала о своем коротком романе. Без особого сожаления, но всегда недоумевая, почему Петя вдруг отказался от нее. Тут скрывалась какая-то тайна, но как ее выяснить?

Не спросишь же у самого Петьки – почему ты меня разлюбил?

Она с отвращением рассматривала яркие этикетки. Где вы, прекрасные натуральные йогурты, к которым она так привыкла дома? Кухарка сама готовила их из свежего молока и специальной закваски. Порцию этой закваски Юля получила, покидая родительский дом, но быстро загубила ее. Ничего удивительного, кухня в родительском доме как целая лаборатория, а у Юли из всех приборов – плита и холодильник. Даже мясорубка, стыдно сказать, ручная. Юля плохо представляла себе, как ее собирать, поэтому Филиппу Владимировичу пока не удалось попробовать котлет ее приготовления.

Юля выглянула из-за стеллажа. Эта парочка, забыв, где находится, жарко обличала социальные пороки. Договорились уже о необходимости высшей меры наказания за хищения государственной собственности, родственные души!

Глава вторая

– Филипп, давай я пойду на курсы вождения?

– Зачем?

– Хочу научиться ездить.

– Вот я и спрашиваю, зачем?

Рыбаков лежал в постели, а Юля сидела за туалетным столиком в кокетливом кружевном халатике и убирала волосы перед сном. Зеркало отражало прехорошенькую девушку со свежим, радостным личиком, длинные густые волосы интригующе поблескивали в мягком свете ночника, а халатик был накинут с тщательно продуманной небрежностью, чуть-чуть приоткрывая аппетитную грудь и стройные сильные бедра. Филипп не был с ней близок уже целую неделю, и Юля думала, что сейчас-то некоторые природные инстинкты возьмут верх над его скупостью.

Положив массажную щетку, она повернулась к нему:

– Как это – зачем? Я раз в неделю езжу на кафедру, почти каждый день хожу в магазин, да мало ли у меня дел...

– У тебя? Мало.

– Да сколько бы ни было! Согласись, с машиной гораздо удобнее.

– Безусловно. Но ты же знаешь, я отказался от служебного автомобиля, поэтому не смогу давать тебе свою машину. А учиться водить надо перед тем, как ты плотно сядешь за

руль, иначе навыки забудутся.

– Ну Филипп... Все женщины вокруг ездят, одна я как дурочка. – Юля пересела к мужу на постель и игриво надула губки.

– Кто это – все, позвольте узнать?

Рассмеявшись, он положил руку ей на бедро.

– Неважно, кто. Филипп, пожалуйста...

– Птиченька моя, говорю тебе, учиться сейчас бессмысленно. За руль своей машины я тебя никогда не пущу.

– А я и не претендую. Давай купим мне какую-нибудь женскую модель! Ниссан-микро, они такие хорошенькие! И совсем недорогие!

Юля вздохнула. Знала бы она, как все повернется, копила бы деньги, живя с родителями! Нормальные люди откладывают на старость, а она – «на замужество».

– Юлечка, ты переоцениваешь мои возможности. Я понимаю, ты росла в очень обеспеченной семье и от этого у тебя немножко нереальные понятия, поэтому не сержусь. Но настало время осознать, что ты – жена государственного служащего. У меня очень хорошая зарплата, но купить тебе машину я пока не могу. Подожди пару лет, зайчик.

– Пару лет?!

– Хорошо, год. Но тогда придется серьезно экономить. Откажись от своих духов, ходи на спорт в наш дворец культуры, а не в этот debilный фитнес-клуб, и через двенадцать месяцев у тебя будет половина необходимой суммы. Осталь-

ное постараюсь отжать я. Кстати, в нашем дворце очень хорошие секции, и, поверь, там работают гораздо более профессиональные люди, чем в твоём сомнительном заведении. Не ниже мастера спорта.

– Я тоже мастер спорта, – огрызнулась Юля.

– Кстати! – просиял муж. – Отличная идея! Ты могла бы взять группу малышей, обучать их гимнастике. У тебя здорово получится, я уверен. А? Как?

Еще не хватало возиться с чужими сопляками! Юля гордо промолчала.

– Подумай, ты будешь тренироваться бесплатно и, больше того, получать зарплату!

– Три рубля.

– Около десяти тысяч при неполной нагрузке. Все деньги пойдут на твою машину.

Юля вскочила и воинственно затянула поясок халата. Значит, не хочешь по-хорошему? Ладно, будет по-плохому!

– Правда, птиченька, подумай над моим предложением, – увещевал муж. – Ты киснешь в четырех стенах, а у нас педагогов в малышовые группы не хватает. Заведующий мне звонил, жаловался – зарплаты маленькие, народ работать не хочет. Я, конечно, стараюсь помогать, но завод не бездонная бочка... Ты бы нас очень выручила!

– Это не мой уровень, – процедила Юля.

Она была в ужасе. Муж отказывается содержать ее, гонит зарабатывать себе на хлеб! Может ли женщина испытать

большее унижение?

Филипп потянулся за халатом:

– Кажется, разговор приобретает серьезный оборот. Нужно заварить чайку. Ты будешь?

– Нет!

Филипп устроился в кухне с любимой кружкой. От этого фаянсового переростка шел аппетитный пар, а с бортика свешивалась этикетка чайного пакетика – предмета, в доме Юлиных родителей неизвестного. Рыбаков размешал сахар и окатил Юлю холодным взглядом:

– Что ж, любопытно узнать, какой такой уровень у моей жены.

– Ты прекрасно знаешь какой! Ты видел, как я жила, и, раз захотел меня получить, обязан обеспечить мне тот уровень, к которому я привыкла! – выпалила она давно наболевшее.

– Интересно, как? Еще раз повторяю, я – директор завода, а не олигарх. Не ворую, взятки не беру...

– Да неужели?

– Представь себе. И ты тоже знала, кто я такой, когда выходила за меня. Или ты думала, что нас будет содержать твой папочка?

– Знаешь что! На себя ты тратишь, сколько хочешь, а когда что-то нужно мне, сразу становишься кристально честным человеком!

Филипп усмехнулся:

– Юля, я даже не курю. Единственная моя слабость – это

ты.

– А лошади?

– Ты прекрасно знаешь, что конюшни – собственность завода.

– Они появились в собственности завода только потому, что тебе нравится заниматься конным спортом! Иначе твои сотрудники не увидели бы даже лошадиного хвоста! Ты купил конюшни для себя, только оформил на завод, чтобы не было вопросов. Это не воровство, по-твоему?

Повисла неловкая пауза. Рыбаков задумчиво барабанил пальцами по столу, и Юлия невольно залюбовалась его руками. Они были очень хороши – сильные, с длинными пальцами, но для мужчины его роста небольшие. Каждый вечер эти ладони ласково гладили ее перед сном, она так привыкла чувствовать щекой застарелые мозоли от поводьев, твердые и теплые, как морские камушки, нагретые солнцем... Сейчас она скажет, что пошутила, что не нужна ей никакая машина, только пусть Филипп обнимет ее...

Ты с ума сошла, одернула себя Юлия. Это он должен хотеть тебя и поступаться принципами ради твоих ласк, а не наоборот! Соберись и дай ему решительный бой, иначе можно докатиться до того, что действительно пойдешь работать!

– Может быть, ты и права, – задумчиво сказал Рыбаков, – но, приобретая конюшни, я рассуждал иначе. Я с детства занимаюсь конным спортом и знаю, как благотворно он действует на тело человека и на его психику. Существует да-

же гиппотерапия, с помощью которой детей успешно лечат от аутизма. Я получаю от верховой езды огромную радость, и мне хотелось, чтобы мои сотрудники тоже могли приобщиться к этой радости. Наверное, существует много других способов проводить свободное время, и кто-то предпочитает охоту или там прыжки с парашютом. Допускаю, что охотник или парашютист считает свое хобби гораздо содержательнее и полезнее моего, и, возможно, он прав. Но я выбрал конюшни, а не лесные угодья или аэроклуб. Проявил эгоизм, не спорю. Однако в этих конюшнях, которые ты ставишь мне в вину, может за символическую плату заниматься любой сотрудник завода. У нас работает маленькая конно-спортивная школа для детей, абсолютно бесплатная. А когда я раз в неделю приезжаю покататься, плачу за себя по коммерческой цене, как человек с улицы. Это похоже на воровство?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.